

Материалы

к докладу «О дальнейших мерах по
уврачеванию последствий церковного
разделения XVII века»

«Церковный раскол нанёс жесточайший удар по национальному самосознанию. Ломка традиционных церковно-бытовых устоев и духовно-нравственных ценностей разделила некогда единый народ не только в церковном отношении, но и в социальном.

Народному телу, которое тогда вполне совпадало с телом церковным, была нанесена рана, губительные последствия которой живут в столетиях. Разделение российского общества, вызванное церковным расколом, стало предвестием дальнейших разломов, приведших к революционной катастрофе.

Разделение, длящееся веками, становится привычным. Но даже если старая рана в какой-то момент почти перестаёт тревожить, она продолжает обессиливать организм, доколе не исцелена. Нельзя признать собрание Русской Церкви завершённым, пока мы не объединимся во взаимном прощении и братском общении во Христе с исконной ветвью русского Православия. Духовное значение такого события даже трудно описать, оно далеко выходит за пределы того, что называют церковной политикой».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

«Старый обряд в определенном смысле является эталоном для церковной жизни, для литургического творчества. Когда мы участвуем в богослужении, совершаемом по старому обряду, мы не только узнаем, как молились наши предки, но мы еще и узнаем нечто важное о том, как нужно молиться и что такое церковное литургическое творчество в рамках церковных канонов».

Митрополит Волоколамский Иларион

«Чадам Русской Православной Церкви нужно помнить, что древние церковные обряды составляют часть нашего общего духовно-исторического наследия, которое следует хранить как сугубую драгоценность в литургической сокровищнице Церкви».

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II

«Старообрядческий раскол, которому уже более 300 лет, является трагедией Русской Церкви... Мы сейчас должны задумываться не столько о том, кто был прав, и кто был виноват во всей этой трагической истории, сколько о том, как исцелить те раны, которые были нанесены в течение более трех веков существования в нашей Церкви раскола...»

Митрополит Волоколамский Иларион

Содержание

Приложение 1

Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их5

Приложение 2

Об отмене клятв на старые обряды. Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима на Поместном Соборе 31 мая 19719

Приложение 3

Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя ОВЦС Московского Патриархата по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и старообрядчеством (Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 3-8 октября 2004 года).....21

Приложение 4

Митрополит Иларион: В отношениях со старообрядцами существует почва для диалога и сближения28

Приложение 5

Слово чадам Русской Православной Церкви, сохраняющим в богослужении древние русские обряды, в связи с 200-летием канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата.....29

Приложение 6

Митрополит Волоколамский Иларион посетил Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции32

Приложение 7

Всем священникам и диаконам Симферопольской и Крымской епархии архиепископа Луки увещание о правильном и достойном совершении величайшего и святейшего Таинства крещения35

Приложение 1

Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их

Журнал Московской Патриархии, 1971, №6. Страницы 5 – 7.

молитва Владыке вселенной о мире всего мира. Считать и впредь священной задачей Русской Православной Церкви активное продолжение ею миротворческой деятельности и всемерное ее расширение, имея в виду, что международный мир неразрывно связан с гармоничным развитием всех народов земли, с дружескими отношениями между нациями на основе их равноправия и самоопределения, с международным сотрудничеством в культурной, экономической, научной, политической областях, с утверждением принципа мирного сосуществования государств, независимо от их общественной системы.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви призывает архипастырей, клир и паству Московского Патриархата к дальнейшему неленинскому, усердному и творческому труду на благо международного мира и справедливости.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви, выражая взгляды его членов — архиереев, клириков и мирян — граждан Советского Союза, свидетельствует о единодушном одобрении ими и всеми православными нашей страны, которых они представляют на Соборе, усилий Правительства СССР, направленных на всестороннее развитие жизни советского народа и на утверждение прочного и справедливого международного мира. Исполненные глубоких патриотических чувств, епископы, клир и миряне Русской Православной Церкви будут добросовестно трудиться на благо своего великого Отечества.

Мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да пребывают постоянно во всех чадах Святой Русской Православной Церкви (Еф. 6, 23)!

Троице-Сергиева Лавра,
1 июня 1971 года
от Рождества Христова

ДЕЯНИЕ ОСВЯЩЕННОГО ПОМЕСТНОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ОБ ОТМЕНЕ КЛЯТВ НА СТАРЫЕ ОБРЯДЫ И НА ПРИДЕРЖИВАЮЩИХСЯ ИХ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Собравшийся в Троице-Сергиевой Лавре в Загорске Поместный Собор Русской Православной Церкви счел благовременным подвергнуть соборному рассмотрению решения Поместных Соборов Русской Православной Церкви: Московского 1656 года и Большого Московского 1667 года в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их.

Как известно, в период первосвятительского служения Святейшего Патриарха Московского Никона (1652—1666) Высшей Церковной властью Московского Патриархата были предприняты усилия по установлению единообразия употребляемых в Русской Православной Церкви богослужебных чинов и обрядов с таковыми же, употребляемыми в греческих Православных Церквях. Это исправление хотя и было предпринято в соответствии с мнением на сей счет большинства архиереев и пастырей Русской Православной Церкви и при поддержке ее Предстоятелями и архиереями четырех Восточных Патриархатов, однако встретило серьезную оппозицию в русских церковных кругах.

Создавшееся в Русской Православной Церкви положение было предметом озабоченности Московского Собора 1656 года, который наложил клятву на употребляющих двуперстное крестное знамение, и Большого

Московского Собора 1667 года, наложившего клятву на всех, не приемлющих церковные исправления Патриарха Никона, и на расколуучителей, активно выступающих против единства Церкви. На основании определений этих Соборов упорствующие последователи старых обрядов были отсечены от Церкви, и образовался раскол, называемый старообрядческим, который вот уже более трехсот лет продолжает составлять предмет глубокой скорби и озабоченности Русской Православной Церкви.

Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 гг. о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений Соборов 1656, 1666 и 1667 гг. заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при Патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 г.).

Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, принимавшие возможные действия для устранения препятствий к уврачеванию раскола, понимали, что средостение, возникшее в связи с клятвенными определениями Соборов 1656 и 1667 гг., должно быть устранено.

В известном «Увещании Православной Кафолической Церкви», увидевшем свет в 1765 году, говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их.

VI Отдел Предсоборного Присутствия 1906 года вынес постановление — ходатайствовать перед будущим Поместным Собором Русской Православной Церкви об отмене этих клятв.

Об этом же говорило постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917/18 г. В целях уврачевания церковных разделений из-за старых обрядов и наибольшего успокоения совести употребляющих их в ограде Русской Православной Церкви Патриарший Священный Синод под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Нижегородского Сергия 23(10) апреля 1929 года подтвердил православие богослужебных книг, напечатанных при первых пяти Российских патриархах. Старые русские обряды были засвидетельствованы как спасительные. Порицательные выражения о старых обрядах были отвергнуты. Клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг. отменены, яко не бывшие.

Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 года и Большому Московскому Собору 1667 года, рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими

на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемерет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви свидетельствует, что спасительному значению обрядов не противоречит многообразие их внешнего выражения, которое всегда было присуще древней неразделенной Христовой Церкви и которое не являлось в ней камнем преткновения и источником разделения.

Всесвятая и Живоначная Троица — Отец, Сын и Святой Дух — да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа, Который умер за всех нас, дабы мы примирились с Богом и, примирившись, спаслись (Рим. 5, 8. 10).

Да приведет Господь расстаяшая паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную.

Троице-Сергиева Лавра,
2 июня 1971 года от Рождества Христова

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А. Н. КОСЫГИНУ

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Прошу Вас принять сердечную благодарность от епископов, представителей клира и мирян Русской Православной Церкви, собравшихся ныне в Троице-Сергиевой Лавре, в Загорске, на Поместный Собор для избрания Патриарха Московского и всея Руси на место почившего в апреле 1970 года Святейшего Патриарха Алексия и для рассмотрения насущных вопросов жизни нашей Церкви, за то теплое приветствие, которое передал нам от имени возглавляемого Вами Правительства СССР Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов.

Позвольте мне, как Председателю Собора, от имени его членов и от себя лично передать Вам и в Вашем лице — Правительству Союза Советских Социалистических Республик сердечную благодарность за Ваше неизменное благожелательное отношение к нуждам Русской Православной Церкви и за содействие осуществлению настоящего Собора.

Члены Поместного Собора Русской Православной Церкви выражают Вам, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, и Правительству нашей великой Родины свою глубокую признательность за все то, что Вы делаете для процветания нашего Отечества и для утверждения прочного и справедливого мира между народами, и желают дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности.

Духовенство и паства Русской Православной Церкви — граждане Советского Союза исполнены глубоких патриотических чувств и считают священным долгом трудиться для блага своей Отчизны.

Опираясь на опыт послевоенного своего миротворческого служения, Русская Православная Церковь и впредь неуклонно и энергично будет делать всё от нее зависящее, чтобы ее вклад в священное дело упрочения международного мира непрерывно увеличивался и становился всё более эффективным.

С глубоким уважением

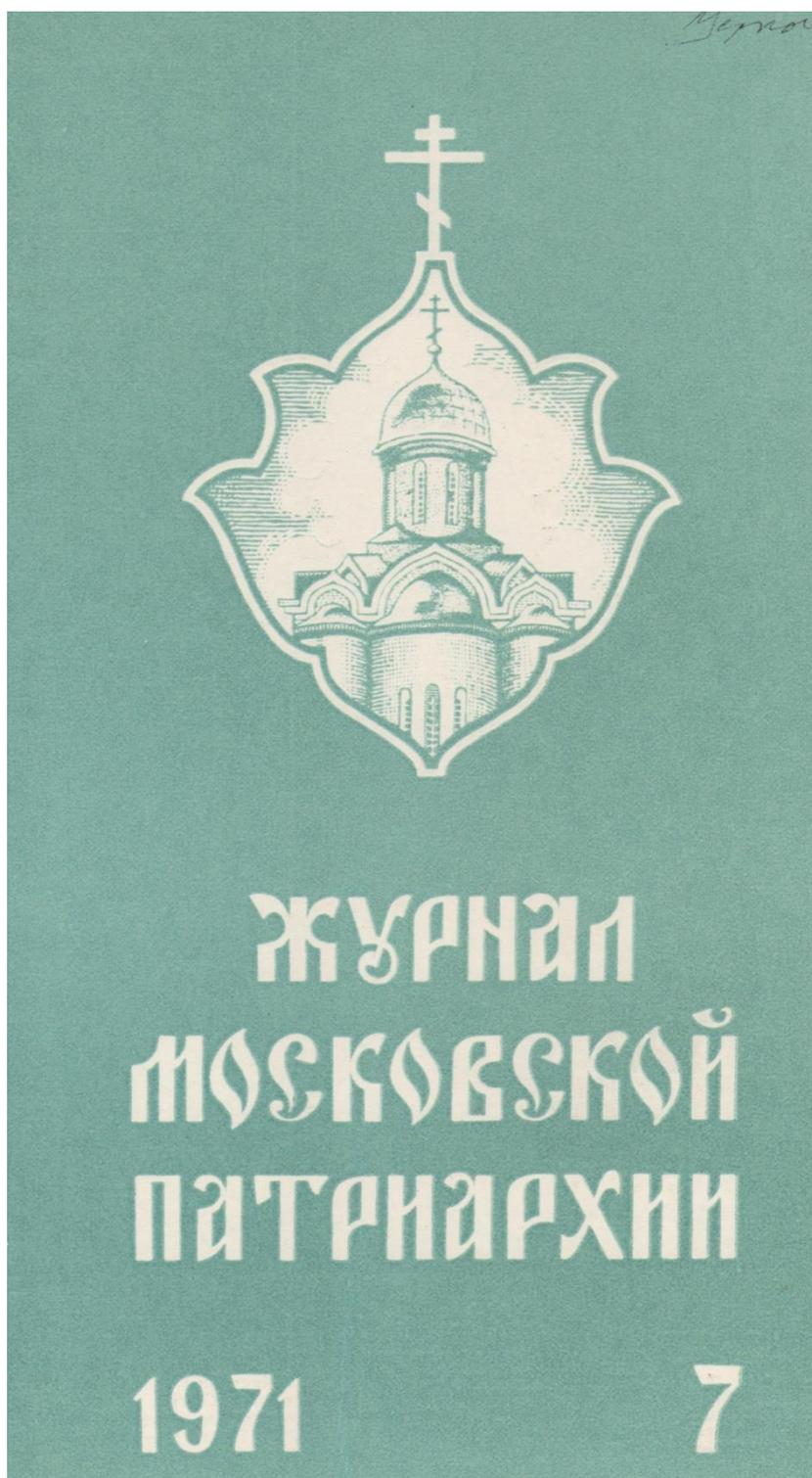
**Местоблюститель Московского Патриаршего престола
ПИМЕН, Митрополит Крутицкий и Коломенский**

Троице-Сергиева Лавра, 30 мая 1971 года

Приложение 2

Об отмене клятв на старые обряды. Доклад митрополита
Ленинградского и Новгородского Никодима на Поместном Соборе 31
мая 1971

Журнал Московской Патриархии, 1971, №7. Страницы 63 – 73.

ОБ ОТМЕНЕ КЛЯТВ НА СТАРЫЕ ОБРЯДЫ

Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского НИКОДИМА
на Поместном Соборе 31 мая 1971 года

Более трехсот лет минуло с тех пор, как в Русской Православной Церкви возник раскол старообрядчества, а последствия этого печального явления церковной жизни продолжают сказываться и до настоящего времени. Много усилий с обеих сторон — новообрядческой и старообрядческой — было потрачено в прошлом на то, чтобы доказать неправоту другой стороны.

Трезво мыслящие церковные люди обеих сторон понимали всю пагубность и никчемность взаимных раздоров и глубоко скорбели о разделении русских православных христиан. Предпринимались попытки на определенных условиях достичь соединения. Наибольший успех выпал на долю так называемого единоверия, хотя оно окончательно и полностью не решило проблемы прекращения раскола. Другие предложения и действия, предпринятые для разрешения этой проблемы, также не дали положительных результатов. Главным препятствием на пути к возможному взаимному сближению Русской Православной Церкви и старообрядцев служат клятвы Большого Московского Собора 1667 года. Возможна ли отмена этих клятв вообще? И если да, кто правомочен окончательно решить этот вопрос, чтобы он был приемлем и для старообрядцев? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на истории возникновения клятв, выяснить причины их и понять их истинное содержание, а также отметить, в каком направлении решался вопрос о клятвах Высшей Церковной властью раньше, и на основании всего этого сделать соответствующий вывод.

Непосредственным поводом к возникновению в Русской Православной Церкви старообрядческого движения, а затем раскола послужили, как известно, реформы Патриарха Никона (1652—1658) по исправлению богослужебных книг и церковных обрядов, предпринятые им в целях достижения единообразия между русской и греческой церковно-богослужебной практикой.

Патриарх Никон, изменяя русские богослужебные чины и церковные обряды по современным ему греческим образцам, исходил из ошибочного взгляда, что «существующие у нас с греками разности (в чинах и обрядах.— М. Н.) растлевают нашу веру»¹, почему устранение этих разностей считал делом таким же необходимым, как и «очищение Православия от ересей и погрешений»². Отсюда крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности, к которой Патриарх Никон приступил вскоре после вступления на Патриаршую кафедру.

В 1658 году, перед наступлением Великого поста, Патриарх Никон разослал по московским церквам «Память», т. е. распоряжение, которым предписывалось при чтении молитвы св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» класть 4 великих и 12 поясных поклонов, а также совершать крестное знамение тремя первыми перстами³.

Этим единоличным и совершенно не мотивированным распоряже-

¹ Е. Голубинский. К нашей полемике со старообрядцами. М. 1905, с. 61.

² Там же, с. 62.

³ Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XII, изд. 2. СПб., 1910, с. 118—119.

нием Патриарха Никона отменялся прежний обычай класть при чтении молитвы св. Ефрема Сирина 16 великих поклонов и совершать крестное знамение двумя перстами. За последним обычаем, двуперстием, стоял авторитет Стоглавого собора (1551), который вменил в обязанность всем русским православным христианам полагать на себя крестное знамение только двумя перстами¹. Естественно, что против такого распоряжения Патриарха Никона открыто восстали некоторые влиятельные лица из духовенства: епископ Коломенский Павел, протопопы Иоанн Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и некоторые другие.

Подобная реакция на первые распоряжения Патриарха Никона была вполне закономерной, потому что Патриарх Никон, при всем величии своего положения и патриаршей власти, не имел права единолично отменять постановление Стоглавого Собора относительно двуперстия.

Встретив со стороны духовенства протест своим первым распоряжениям, Патриарх Никон в дальнейшем в проведении реформ опирался на постановления Поместных Русских Соборов, которые созывались им в 1654, 1655 и 1656 гг.

Клятвы Антиохийского Патриарха Макария и Собора 1656 года

За разъяснениями вопросов обрядового характера и поддержкой своих реформ Патриарх Никон обращался к приезжавшим в Москву Патриарху Антиохийскому Макарию, Митрополиту Сербскому Гавриилу и другим иерархам, которые за богослужениями заявляли русским, что православному христианину следует изображать на себе крестное знамение тремя первыми перстами, а кто изображает двумя перстами, тот подражает еретикам и проклиняется².

Дальнейшие события с возложением клятв развивались следующим образом: «В начале апреля 1656 года прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон от молдавского воеводы Стефана с просьбою о принятии Молдавской земли под русскую державу, и в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решился обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев и, указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестного знамения, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься»³.

На это послание Патриарха Никона Патриарх Антиохийский Макарий дал письменный ответ следующего содержания:

«Предание прияхом с начала веры от святых апостолов и святых отец и святых седми Соборов, творити знамение честнаго креста с тремя первыми перстами десныя руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию Восточныя Церкви, еже держа с начала веры даже до днесь, есть еретик... И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята: извещение истины подписах своею рукою»⁴.

«Вслед за Антиохийским Патриархом то же самое проклятие повторил и подписал своей рукой Сербский Патриарх Гавриил, а за ними повторили каждый особо и подписали митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон»⁵.

¹ «Аще ли кто двама персты не благословляет, якоже и Христос, или не воображает крестнаго знамения, да будет проклят, святии отцы рекоша». Стоглав, гл. 31, изд. 3. Казань, 1911.

² Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XII, изд. 2. СПб., 1910, с. 188—189.

³ Там же, с. 190—191.

⁴ Там же, с. 191.

⁵ Там же.

23 апреля 1656 года в Москве состоялся Собор, который по вопросу о двуперстии постановил:

«Аще кто отселе, ведый, неповинится творити крестное изображение на лице своем... яко же зде прежде православнии содержаша, до напечатания Слова Феодоритова в псалтырях со воследованием московския печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образ Святыя и Единосущныя и Нераздельныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сие неприятное Церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство Святыя Троицы извещается, и два великосредня, простерта суща, в них же заключати два Сына и два состава, по Несториеве ереси, или инако изображати крест: сего имамы, последующе святых отец седми Вселенских Соборов и прочих Поместных правилом и Святыя Восточныя Церкви четверем вселенским патриархом, всячески отлучена от Церкви, вкупе и с писанием Феодоритовым, яко и на пятом (Соборе) прокляша его ложная списания на Кирилла, архиепископа Александрийскаго, и на правую веру, сущая по Несториеве ереси, проклинаем и мы»¹.

Таков ход события, и таково дословное содержание клятв Патриарха Антиохийскаго Макария и Московскаго Собора 1656 года. Смысл этих клятв, кажется, довольно ясен. Вчитываясь внимательно в текст клятвенных изречений и запретов Патриарха Макария и определения Собора 1656 года, невольно приходишь к выводу, что клятвы положены на всех крестящихся двуперстно².

Не ясно ли отсюда, что всем православным христианам предписывалось совершать крестное знамение только тремя первыми перстами, а кто творит крестное знамение двумя перстами или «инако», тот «есть еретик» и как таковой подпадает под клятву и отлучается от Церкви?

Надо полагать, что анафема и проклятие на всех крестящихся двуперстно были положены не случайно и не потому, что сама по себе эта форма перстосложения была «неприятно». В этой форме перстосложения увидели не что иное, как «ересь». Так, Патриарх Никон в своей речи на Соборе 1656 года заявил, что сложением перстов при двуперстном крестном знаменнии «неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы... и таинство Воплощения»³. Поэтому Собор 1656 года и запретил под клятвой употреблять старый обряд двуперстия и предписал всем православным русским христианам употреблять для крестного знаменния только троеперстие.

Признавая за Собором 1656 года право замены одного обряда другим, справедливости ради мы всё же должны признать приведенные Собором основания для замены двуперстия на троеперстие более чем сомнительными, а, следовательно, и клятву, положенную на двуперстников, как «еретиков», совершенно неосновательной. Беспристрастный голос русской церковной истории к тому же свидетельствует, что двуперстное крестное знамение у православных русских людей, включая единоверцев и старообрядцев, всегда было, есть и, несомненно, будет церковным обрядом, выражающим православное учение веры.

Смешивая обряд с догматом, Патриарх Никон, как было сказано выше, смотрел на разности в обрядах как на различие в вере. При таком воззрении наличие и употребление двух форм одного и того же обряда исключается: одна из форм — в данном случае троеперстие — признается истинной, православной, а другая — в данном случае двупер-

¹ Митр. Макарий. История Русской Церкви, т. XII, изд. 2, СПб., 1910, с. 193—194.

² *Примечание.* Следует подчеркнуть, что, согласно форме выражения, клятвы положены на лиц, содержащих обряд двуперстия, а не на самый обряд.

³ Митр. Макарий. История Русской Церкви, т. XII, изд. 2, с. 192—193.

стие — ложной, еретической. Если Патриарх Никон пришел к твердому убеждению в православном характере современных ему греческих обрядовых форм, в том числе троеперстия, что на самом деле так и есть, а русские обрядовые формы, в том числе двуперстие, признал неправильными и даже еретическими, чего на самом деле нет, то противники его реформ, придерживаясь по существу одинаковых с Патриархом Никоном воззрений на обряд, как на догмат, были убеждены в обратном. Когда двуперстие, принятое русскими от греков вместе с православной верой¹, было объявлено за еретический обряд, то ревнители русской церковной обрядности, в порядке ее охранения, естественно, должны были увидеть то же самое в троеперстии.

По поводу церковных реформ Патриарха Никона начались споры и разделения: одни, послушные голосу церковной власти, приняли их, другие решительно отвергли, несправедливо полагая, что в результате этих реформ искажается чистое русское Православие. Ко времени Большого Московского Собора 1667 года русское церковное общество из-за реформ Патриарха Никона окончательно разделилось на два враждующих лагеря. Констатируя появление в Русской Православной Церкви старообрядческого раскола, Большой Московский Собор 1667 года *de jure* закрепил лишь то, что *de facto* уже совершилось к тому времени.

Клятвенные запреты Большого Московского Собора 1667 года

В связи с делом Патриарха Никона в Москве в 1666—1667 гг. был созван так называемый Большой Собор с участием приглашенных русским правительством Патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария. Кроме названных патриархов, на Соборе присутствовали еще десять иерархов от Константинопольской, Иерусалимской, Грузинской и Сербской Церквей². На Соборе, в частности, был рассмотрен и старообрядческий вопрос. Собор одобрил церковные реформы Патриарха Никона, а всех, не принявших этих реформ, предал анафеме и проклятию, как еретиков и непокорных.

Чтобы правильно понять смысл и значение этих клятвенных запретов, необходимо обратиться к деяниям Московского Собора русских архиереев, который состоялся в Москве в первой половине 1666 года и на котором происходили прения с предводителями старообрядчества. В изданном от лица Собора «Наставлении» предписывалось совершать церковные службы по новоисправленным при Патриархе Никоне богослужебным книгам, в которых, как изъяснили отцы Собора, нет ничего, противного православной вере³, и изображать крестное знамение тремя первыми перстами⁴. Но Собор 1666 года не изрек общей анафемы и проклятия на всех старообрядцев за содержание ими старых книг и обрядов, как это сделал Собор 1667 года.

В этом отношении Собор 1666 года проявил более такта, осторожности и трезвого подхода в решении старообрядческого вопроса. Собор предписал принять новые книги и обряды, как правильные и соответствующие потребностям времени, но если бы Собор 1666 года счел возможным предоставить желающим право содержать старые книги и обряды, находясь при этом в общении с Церковью, что было даровано позднее, с учреждением единоверия, то в деле умиротворения церковного, к чему стремился Собор, несомненно, были бы достигнуты лучшие результаты.

¹ Е. Голубинский. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905, с. 163.

² Там же.

³ Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. М., 1881. Деяния Московского Собора о разных церковных исправлениях в 1666 году, л. 38, об.

⁴ Там же, л. 41, об.

Большой Московский Собор 1667 года занял по отношению к старообрядчеству совершенно иную позицию, чем Собор русских иерархов 1666 года, и вынес свой окончательный приговор в отношении старообрядчества в духе клятвенных изречений Патриарха Антиохийского Макария, возглавлявшего вместе с Патриархом Александрийским Паисием заседания Собора 1667 года, и клятвенных запретов Московского Собора 1656 года, хотя и с учетом сложившейся позже церковной обстановки. Собор принял это решение еще и потому, что на старообрядцев продолжали смотреть, как на еретиков. Подтверждение этому находим в книге «Деяний» Собора 1667 года, где в отношении двуперстного крестного знамения говорится буквально следующее: «Всем убо явлено есть, яко исповедаша во Святей Троице неравенство, яко ариане, и несториане, и духоборцы, и аполинариане и прочие проклятии еретицы»¹.

На это «толкование» обряда двуперстия, употреблявшегося когда-то у греков и русских и поныне остающегося у старообрядцев православным обрядом, резонно можно заметить, говоря словами приведенного текста, что не «всем убо явлено есть», где, когда и кто из старообрядцев соединял с двуперстием столько «ересей». Им приписывали это, их обвиняли в этом, но они никогда не могли исповедовать этого.

Проф. Н. Ф. Каптерев во втором томе своей монографии «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (Сергиев Посад, 1912) устанавливает дословное сходство некоторых постановлений Собора 1667 года с полемическим сочинением против старообрядцев архимандрита Московского Никольского греческого монастыря Дионисия², который тенденциозно представил Патриархам Паисию и Макарию вопрос о русском старообрядчестве. Отсюда становится ясным, почему Собор 1667 года вынес такой строгий суд в отношении старообрядцев. Патриархи Паисий и Макарий, «призванные на Соборе 1667 года произвести свой компетентный и окончательный приговор о русском старообрядчестве, в основу своих суждений о нем положили те именно воззрения на старый русский обряд, какие высказал в своем сочинении грек архимандрит Дионисий»³.

Итак, Большой Московский Собор 1667 года предал старообрядцев проклятию и анафеме, исходя из неправильных воззрений на старые русские церковные обряды, как еретические, которых придерживался, но только в отношении двуперстия, Московский Собор 1656 года, учитывая характер антицерковной деятельности вождей старообрядчества, подтверждением чего является утверждение Собором 1667 года постановлений Собора 1666 года. В первом случае возложенную Собором 1667 года клятву и анафему на старообрядцев, которых из-за их приверженности к старым церковным обрядам сочли за еретиков, надо признать, как и клятву Московского Собора 1656 года, неосновательной.

Во втором случае клятву и анафему Собора 1667 года можно считать справедливой и законной, но в отношении лиц, действительно виновных перед Церковью в том, в чем обвинялись они и на Соборе 1666 года, т. е. во враждебных против нее действиях. Если бы Собор 1667 года в своем суждении о старообрядчестве исходил из правильных представлений, ему достаточно было утвердить или вновь повторить определение Собора 1666 года. Но, к сожалению, Собор 1667 года исходил из неправильных воззрений на старые церковные обряды, как еретические. И возложенная Собором анафема стала роковой: окончательное разделение Русской Православной Церкви совершилось.

¹ Книга соборных деяний 1667 года, л. 32.

² Н. Ф. Каптерев, указ. соч., с. 375.

³ Там же, с. 385.

История вопроса об отмене клятв Патриарха Антиохийского Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 гг.

Впервые вопрос об отмене означенных клятв был поднят старообрядцами в 1783 году, когда известный деятель единоверия стародубский инок Никодим в поданном им от имени старообрядцев прошении, состоявшем из 12 пунктов, выразил их желание соединиться с Православной Греко-Российской Церковью на определенных условиях.

В 1800 году московские старообрядцы, пожелавшие воссоединиться с Православной Греко-Российской Церковью, в поданном ими митрополиту Московскому Платону прошении (в 16 пунктах) писали: «Дабы Святейший Синод разрешил прежде положенные клятвы на двоеперстное сложение и другие, подобные сему, обряды»¹.

Как видим, митрополит Платон высказался за отмену клятв, но не вообще, как об этом просили старообрядцы, а только с тех старообрядцев, которые «соединяются с Церковью, и истину ее, и таинства, и священство ее признают действительными»². И стародубские, и московские старообрядцы, хотя и не получили полного удовлетворения всех выдвинутых ими условий соединения, в том числе и по вопросу об отмене клятв, как известно, всё же соединились с Православной Греко-Российской Церковью.

С учреждением единоверия соборные клятвы продолжали смущать совесть старообрядцев-единоверцев. При безусловном понимании соборных клятв, как возложенных на всех, без исключения, сторонников старого обряда, единоверцам казалось (а в этом их уверяли остальные старообрядцы), что они, хотя и соединились с Греко-Российской Церковью, но, как соблюдающие старые обряды, находятся под соборною клятвою. Вопрос об отмене клятв подвергался обсуждению на Первом и Втором Всероссийских съездах православных старообрядцев (единоверцев) в 1912 и 1917 гг. Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) постановил ходатайствовать о соборных клятвах 1656 и 1667 гг. в таком виде: «Просить Св. Синод о том, чтобы он благоволил определить следующее... если бы кто из держащих старые чины продолжал думать, будто на него положены и на нем тяготеют за одно только содержание сих чин проклятия духовных писателей, греческих патриархов или даже какого-либо Собора, то такую клятву мы снимаем и ни во что вменяем, оставляя и подтверждая её только на тех, кто ради разности в чинах прокликает Святую Церковь»³.

Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) по вопросу о клятвах составил проект определения для рекомендации его Поместному Собору 1917—1918 гг. в следующем виде: «Клятвенные запреты, изреченные отдельными святителями: Антиохийским Патриархом Макарием, Сербским Митрополитом Гавриилом, Никейским Митрополитом Григорием и Молдавским Митрополитом Гедеоном и Соборами 1656, 1666 и 1667 гг., поскольку запреты касаются самих обрядов, Собор отменяет, с участием Вселенских Патриархов или, по крайней мере, их представителей»⁴.

Поскольку вопрос об отмене клятв возбуждался со стороны старообрядцев, то архипастыри Православной Российской Церкви не могли не отвечать так или иначе на это. Мы уже познакомились с суж-

¹ Цитировано по книге: Н. В. Лысогорский. Московский митрополит Платон Левшин, как противораскольнический деятель. Ростов-на-Дону, 1905, с. 529.

² Н. В. Лысогорский, указ. соч., с. 529—530.

³ Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев). СПб., 1912, с. 252—253.

⁴ Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) в Н.-Новгороде 23—28 июля 1917 года. Пг., 1917, с. 34.

дением по этому вопросу митрополита Московского Платона, с именем которого связано учреждение единоверия в Русской Православной Церкви и который высказался за отмену клятв, но только со старообрядцев, изъявивших согласие быть в единении с Греко-Российской Церковью, сохраняя при этом старые чины и обряды. Эта отмена клятв совершалась, так сказать, в частном порядке, хотя старообрядцы, а потом и единоверцы просили отменить их вообще.

Старообрядцам-единоверцам, как было замечено выше, казалось, что они, хотя и соединились с Греко-Российской Церковью, но продолжают оставаться под клятвою, как сохраняющие старые обряды, совершение которых Собором 1667 года было для всех русских православных христиан безусловно воспрещено. Для успокоения мятущейся совести старообрядцев-единоверцев выдающийся иерарх Русской Православной Церкви митрополит Московский Филарет выступил с разъяснением смысла клятв Московского Собора 1667 года. В своем «Изъяснении» митрополит Филарет на поставленный им вопрос: «На кого же падает проклятие Собора 1667 года?», приведя текст соборного определения, отвечает следующим образом:

«Из сего следует, что держащиеся обрядов Стоглавого Собора, если перестают быть противниками Православной Церкви и входят в примирение с нею, по силе самого Определения Собора 1667 года, должны быть разрешены и действительно разрешаются от проклятия Святейшим Синодом и данною от Бога архиерейской властью. А что они остаются при обрядах Стоглавого Собора, сие не должно приводить их в сомнение, потому что на сии обряды Собором 1667 года проклятия не положено, как выше доказано, Святейший же Синод, по снисхождению, благословляет им соблюдать сии обряды»¹.

Вслед за митрополитом Московским Филаретом в таком же духе объясняли клятву Большого Московского Собора 1667 года и многие другие исследователи этого вопроса, а также и Святейший Синод в изданном в 1886 году «Изъяснении о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды».

Такова была официальная точка зрения церковной иерархии того времени на смысл и значение клятв Московского Собора 1667 года. По существу этот взгляд не был ложным, однако оставался несколько односторонним и исторически неверным, что, конечно, понимали старообрядцы-единоверцы, почему и продолжали ставить вопрос об отмене клятвы за содержание старых обрядов и после этих «Изъяснений». Следует признать, что с учреждением единоверия Греко-Российская Церковь фактически отменила клятвы за содержание старых обрядов, но формально они не были ею сняты и продолжают оставаться таковыми и по сей день. Таким образом, объясняя старообрядцам-единоверцам, что они, как находящиеся в общении с Церковью, фактически под клятвою Собора 1667 года не состоят, митрополит Филарет был прав, потому что Церкви принадлежит право вязать и решить.

Отдавая должное этим «Изъяснениям» митрополита Филарета и Святейшего Синода, истины ради исторической следует сказать, что, хотя Московский Собор 1667 года обрядов Стоглавого Собора «не одобрил, но и не проклял», как это справедливо утверждает митрополит Филарет, никоим образом нельзя согласиться, что «содержащие сии обряды за одно сие проклятию Собора 1667 года не подлежат». «За одно сие», т. е. за содержание обрядов Стоглавого Собора, у Собора 1667 года как будто не было оснований возлагать клятву и

¹ «Прибавления к изданию творений святых отцов». 1855, ч. 14, с. 26—28.

отлучать от Церкви, если бы только «сие» не представлялось Собору, с одной стороны, «еретичеством», с другой — непокорностью.

«По буквальному смыслу Соборного определения 13 мая 1667 года употребление дониконовского обряда воспрещено было на будущее время безусловно. Отлучение от Церкви и клятва Собора, не касаясь лиц, употреблявших эти обряды до соборного о них решения, изречены были на всякого, кто после сего решения отказывался принять новоисправленный церковный обряд»¹.

Если бы Собор действительно в каких-либо случаях допускал возможность удерживать старый обряд без подпадения за это соборной клятве, то он, конечно, прямо бы указал и оговорил эти случаи и обязан был это сделать. Понимать же и толковать приведенное выше постановление Собора иначе «значило бы навязывать ему такие намерения, каких он вовсе не имел, и во всяком случае не выразил в своих определениях»².

Приведенные комментарии относительно смысла клятв Собора 1667 года восполняют лишь в историческом аспекте «Изъяснения» митрополита Филарета и Св. Синода, но не противоречат им. При постановке вопроса об отмене клятв эти взгляды, а они, кстати сказать, не единственные, дают возможность глубже и исторически более верно подойти к решению данной проблемы. Ввиду того, что старообрядцев-единоверцев не вполне удовлетворяли «Изъяснения» клятв митрополита Филарета и Св. Синода, высказывались пожелания и вносились предложения, чтобы смысл этих клятв был разъяснен более авторитетным церковным органом — Собором³.

Подобные высказывания, являясь дальнейшим развитием «Изъяснений» в духе митрополита Филарета и Св. Синода, при практическом осуществлении их были бы только полумерой, а не решением вопроса, которое могло удовлетворить старообрядцев-единоверцев, не говоря уже об остальных. Это понимали и многие представители Русской Православной Церкви, а потому высказывались не за дополнительные и повторные разъяснения от лица Поместного Собора соборных клятв, на ком они лежат или не лежат, а за полную отмену и уничтожение их высшим органом церковной власти, равносильным Собору 1667 года.

Вопрос об отмене клятв обсуждался и в VI Отделе Предсоборного Присутствия.

Синодальный миссионер прот. К. Крючков и самарский епархиальный миссионер свящ. Д. Александров (впоследствии митрополит Саратовский Серафим) в своем докладе VI Отделу Предсоборного Присутствия «Об отмене клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года на крестящихся двуперстно», в частности, говорили: «...для успокоения старообрядцев и православных, но молящихся двоеперстно, необходимо уже не одно разъяснение клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года, как это требуется относительно клятв Собора 1667 года, а совершенная отмена этих клятв, как положенных от «простоты и неведения». Подобные примеры отмены клятв, к успокоению чад Церкви, бывали и в древней Церкви.

Вместе с этим необходимо высказаться Собору Русской Церкви и по вопросу о порицаниях на так называемые старые обряды в полеми-

¹ Т. Филиппов. Современные церковные вопросы. СПб., 1882, с. 283.

² Н. Ф. Каптерев, указ. соч., т. 2, с. 391—392.

³ Цитировано по книге: Первый Всероссийский съезд старообрядцев (единоверцев). СПб., 1912, с. 184.

Е. Голубинский. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905, с. 65, примечание 2.

О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. «Церковные ведомости» (прибавления) № 36 за 1908 г. Деяния V Всероссийского миссионерского съезда (под ред. И. Г. Айвазова). М., 1917, с. 34.

ческих книгах прежних писателей против раскола. И здесь... необходимо не разъяснение, а полная отмена этих порицаний»¹.

Заслушав 3 мая 1906 года этот доклад и обменявшись мнениями, VI Отдел Предсоборного Присутствия вынес постановление, в котором говорилось:

1) «Имея в виду пользу Святой Церкви, успокоение двуперстно молящихся и облегчение встречаемых миссионерами затруднений в разъяснении произнесенной Антиохийским Патриархом Макарием и Собором русских иерархов в 1656 году клятвы на двуперстно молящихся — ходатайствовать перед Всероссийским Собором об отменении означенной клятвы, как положенной по «недоброму разумению» (ср. Шест. Вселен. Собора прав. 12)...

2) Ходатайствовать перед Собором и о том, чтобы от лица Всероссийской Церкви было провозглашено, что порицательные на «старые» обряды выражения, полемическими писателями прежнего времени допущенные, явились как следствие духа времени, страстной борьбы противников, возмутительных нападков на обряд, Православной Церковью содержимый, излишней ревности православных полемистов и, наконец, тоже неправильного разумения смысла и значения обрядов, отмененных Собором.

В настоящее время, при более ясном понимании значений обрядовых различий вообще, Церковь ничего зазорного и еретического в этих обрядах не видит, ничего порицательного в отношении их не принимает и не разделяет, научая тому и чад своих. Прежние же порицательные выражения совершенно отменяет и вменяет яко не бывшие»².

А несколько ранее, 17 апреля 1906 года, VI Отдел Предсоборного Присутствия, обсуждая вопрос о старообрядческом беглопоповском толке, высказал свое мнение и о клятвах Собора 1667 года. «По заявлению главных представителей беглопоповщинского толка, они готовы присоединиться к Православной Церкви под условием снятия клятв, произнесенных Собором 1667 года на приверженцев старых обрядов, и дарования им единоверческого епископа. Посему VI Отдел постановил: вновь повторить свое ходатайство перед Собором о необходимости снятия клятв Собора 1667 года»³.

Вслед за Предсоборным Присутствием о необходимости отмены, правда, только клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года высказался и 4-й Миссионерский съезд в Киеве в 1908 году, который постановил «клятву Патриарха Макария, как его личное мнение, и клятву Собора 1656 года признать вызванными духом и обстоятельствами времени и Собором 1667 года не подтвержденными, а потому и излишними и подлежащими отмене»⁴.

Из вышеизложенного мы видим, что Поместный Собор 1917—1918 гг. должен был вынести определенное постановление о клятвах Патриарха Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 гг. Соответствующий Отдел Поместного Собора составил «проект соборного постановления об отмене клятв, и только отвлечение Собора в сторону внешнеорганизационных вопросов помешало ему превратить этот проект в окончательное соборное постановление»⁵.

В 1929 году вопрос о снятии клятв обсуждался на заседании Пат-

¹ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия, т. II. СПб., 1906, с. 284—285.

² Там же, с. 244—245.

³ Там же, с. 233.

⁴ О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. Прибавления к «Церковным ведомостям», № 36, за 1908 год, с. 1740.

⁵ Цитата из Указа Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Нижегородского Сергия и временного при нем Патриаршего Священного Синода от 24 апреля 1929 года за № 59.

риаршего Священного Синода под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Нижегородского Сергия (впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси). Вскоре же было принято Синодальное определение, в котором говорилось, в частности, следующее:

1) Отзыв о дорогах для старообрядцев богослужебных книгах и обрядах, данный от лица Святой Российской Церкви в книге «Увещание», в «Изъяснении» Святейшего Синода и в определении архипастырей Синода, бывшего в Богоспасаемом граде Казани в лето от Рождества Христова 1885 — разделяем и подтверждаем.

2) В частности, богослужебные книги, напечатанные при первых пяти Российских Патриархах, признаем православными; святохранимые многими православными, единоверными и старообрядцами церковные обряды, по их внутреннему знаменованию и в общении со Святой Церковью, — спасительными. Двоперстие, слагаемое, во образ Пресвятой Троицы и двух естеств в Господе нашем Иисусе Христе — обрядом в Церкви прежнего времени несомненно употреблявшимся...

3) Порицательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов, и в особенности до двуперстия, где бы оные ни встречались и кем бы ни изрекались, — отвергаем и яко не бывшие вменяем.

4) Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским Патриархом Макарием и вслед за ним подтвержденные Сербским Митрополитом Гавриилом, митрополитами Никейским Григорием и Молдавским Гедеоном в феврале 1656 года и пастырями Российской Церкви на Соборе 23 апреля 1656 года, а равно и клятвенные определения Собора 1666—1667 гг., как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу нашей Святой Церкви, — мы, руководствуясь примером самого же Собора 1666—1667 гг., отменившего клятвенные постановления Собора Стоглавого, по данной нам от Всесвятого и Животворящего Духа власти вязать и решить, разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем¹.

Это постановление об отмене клятв на старообрядцев Патриаршего Священного Синода и епископата Русской Православной Церкви, которую возглавлял в то время глубоко просвещенный и мудрый иерарх, впоследствии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий (†1944), явилось, таким образом, окончательным завершением исторического развития вопроса об отмене клятв Патриарха Антиохийского Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 гг. на сегодняшний день.

Из представленного краткого исторического обзора развития вопроса об отмене клятв на старообрядцев мы видим, что вопрос этот постепенно клонился в сторону положительного его решения Священноначалием Русской Православной Церкви, но к настоящему времени не решен до конца. Это может сделать только обладающий всей полнотой канонической власти Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный Собору 1667 года, каковым мы с полным основанием можем признать настоящий Освященный Собор, который, по данной от Бога власти вязать и решить, и должен завершить эту насущную проблему для всех православных верующих нашей страны.

Перед лицом исторических фактов нельзя не признать, что проводившаяся императорская политика преследований и ограничений в отношении старообрядцев налагала свою довлеющую руку и на церковные взаимоотношения с ними. Теперь же, когда между Старооб-

¹ Деяния архипастырей Православной Святой Церкви в СССР, возглавляемых Московской Патриархией, от 10 (23) апреля 1929 года. Москва.

рядческой и Русской Православными Церквями установились и развиваются добрые взаимоотношения в духе христианской любви и мира, необходимо по-новому, исключительно по-церковному, исходя из правильного понимания различий между догматом и обрядом, в соответствии с предначертанием Предсоборного Присутствия и Отдела VI Поместного Собора 1917—1918 гг., а также с решением Патриаршего Священного Синода и епископата Русской Православной Церкви от 10 (23) апреля 1929 года, с учетом современных обстоятельств, взглянуть на этот давно наболевший церковный вопрос и сделать всё возможное для разрешения его.

Итак, Поместному Собору Русской Православной Церкви необходимо рассмотреть и окончательно в положительном смысле разрешить «ради мира и пользы Церкви», как выразились отцы Карфагенского Собора (прав. 79), вопрос об упразднении клятв со старообрядцев. И пусть отмена этих клятв, исторически ставших средостением вражды и разделения православных русских людей, послужит в дальнейшем более тесному соединению и общению старообрядцев и новообрядцев в духе любви Христовой.

2 июня 1971 года — день избрания Патриарха Московского и всея Руси. Заместитель Председателя Собора митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим ведет шестое, заключительное заседание Поместного Собора Русской Православной Церкви

Приложение 3

Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя ОВЦС Московского Патриархата по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и старообрядчеством (Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 3-8 октября 2004 года).

(2-я часть)

Текст опубликован на официальном сайте Отдела внешних церковных связей. Адрес в интернете: <https://mospat.ru/ru/komissiya-po-starobryadnym-delam/dokumenty/doklad-mitropolita-smolenskogo-i-kaliningradskogo-kirilla-predsedatelya-ovcs-moskovskogo-patriarkhata-po-voprosam-vzaimootnoshenij-s-russkoj-zarubezhnoj-cerkovyu-i-starobryadchestvom-arkhierejs/>

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ

Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, возлюбленные архипастыри!...

Хотя еще не все вопросы, связанные с преодолением многолетнего разделения с Русской Зарубежной Церковью, получили окончательное разрешение, очевидно, что уже произошло качественное изменение взаимоотношений, что подлинный диалог начался и успешно развивается, что мы вместе, с помощью Божией, продвигаемся по пути, ведущему к полному каноническому и евхаристическому единству при уважении исторически сложившихся особенностей в церковной администрации и вообще в укладе церковной жизни.

Конечно, такое движение радует и вдохновляет. Его результаты имеют великое духовное значение для нашей Церкви, для всего общества, для национального самосознания, которое ныне так нуждается в восстановлении целостности и преемства после десятилетий богоборческой смуты. Великой радостью для всех нас станет тот долгожданный день, когда мы вместе с нашими зарубежными братьями приступим к единой Чаше Господней. Но уже сейчас, в чаянии этого исторического события, мы должны подумать и о других наших отделенных братьях, о тех, кто исторически произошел от одного с нами духовного корня, о тех, с кем у нас общие предки и общая вера, а когда-то была общей и молитва. Настало время вновь обратить внимание соборного разума Церкви к труднейшей и многовековой общецерковной задаче — лечению последствий русского церковного раскола XVII века.

В еще большей мере, чем в случае с Зарубежной Церковью, проблема старообрядчества не является исключительно церковной, у нее есть и иные аспекты — социальный, политический, культурный. Церковный раскол нанес жесточайший удар по национальному самосознанию. Ломка традиционных церковно-бытовых устоев и духовно-нравственных ценностей разделила некогда единый народ не только в

церковном отношении, но и в социальном. Народному телу, которое тогда вполне совпадало с телом церковным, была нанесена рана, губительные последствия которой живут в столетиях. Разделение российского общества, вызванное церковным расколом, стало предвестием дальнейших разломов, приведших к революционной катастрофе.

Разделение, длящееся веками, становится привычным. Но даже если старая рана в какой-то момент почти перестает тревожить, она продолжает обессиливать организм, доколе не исцелена. Нельзя признать собрание Русской Церкви завершённым, пока мы не объединимся во взаимном прощении и братском общении во Христе с исконной ветвью русского Православия. Духовное значение такого события даже трудно описать, оно далеко выходит за пределы того, что называют церковной политикой.

Можно назвать такие надежды мечтательными. Ведь путь сближения Русской Православной Церкви со старообрядцами исключительно труден. Он не только не предвещает быстрых успехов, но и не обещает быть безболезненным. Между нами лежит тяжкий исторический груз жестоких преследований старообрядчества, между нами — память о пролитой крови, невинной и напрасной.

Кроме того, достижение желанной цели, конечно же, невозможно и без взаимного движения навстречу. Некоторым думается сегодня, что признаков готовности к диалогу недостает как раз со стороны представителей старообрядчества, что ожидавшегося отклика еще не получили все призывы и шаги навстречу нашим отделенным братьям, предпринятые Русской Православной Церковью в течение XX века — имеется в виду прежде всего снятие клятв на дониконовские обряды, подготовленное трудами членов Поместного Собора 1917-1918 годов и предшествовавших предсоборных органов, а также митрополита Сергия, будущего Святейшего Патриарха, и Временного Патриаршего Синода (1929), и в окончательной форме торжественно провозглашенное Поместным Собором Русской Православной Церкви 1971 года.

Однако наше ли дело «знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. 1. 7)? И нам ли указывать другим: теперь очередь за вами? От нас зависит другое: честно и последовательно пройти нашу часть пути к богозаповеданному церковному единству. Вспомним, что еще недавно многим казалось как будто непреодолимым то средостение, которое отделяло Зарубежную Церковь от нас. И вот настал час воли Божией, ощутилось тихое веяние Духа, и путь к сближению оказался открытым.

Убежден, что у нас есть реальные основания для надежды и на коренное изменение взаимоотношений со старообрядцами.

Во-первых, и это самое главное, происшедший в XVII веке раскол, по милости Божией, не привел к появлению иной модели цивилизации, как это произошло, например, в результате великого раскола Востока и Запада. Мы и старообрядцы разделяем одну и ту же веру не только в догматическом, но и в жизненном выражении: у нас одна система ценностей. Поэтому в практическом свидетельстве и служении обществу старообрядцы являются нашими естественными соратниками. В противостоянии натиску нивелирующего секуляризма, который становится все более агрессивным, в неприятии культа потребления и житейского успеха любой ценой, в отвержении гуманистической религии человекобожества старообрядцы — наши ближайшие союзники. И если уж нам нередко удается объединяться в защите фундаментальных духовных ценностей с частью представителей западного христианства и даже иных

религий, то кольми паче это возможно и необходимо в совместном делании с нашими ближайшими братьями. Нам действительно Сам Бог велел вместе отстаивать наши общие ценности при решении задач в области духовного воспитания, в развитии церковно-государственных отношений, в сфере благотворительной, культурной, образовательной деятельности, включая, например, преподавание основ православной культуры в школе.

Во-вторых, у нас со старообрядцами одно и равно любимое Отечество. Нам одинаково дороги наследие и идеалы Святой Руси. Из истории хорошо известно, что враждебные российскому государству силы неоднократно пытались привлечь на свою сторону старообрядцев, спекулируя на их непростом, а подчас и опасном, положении в обществе. Но, несмотря на все притеснения и гонения, старообрядцы в подавляющем большинстве с достоинством и верностью оставались патриотами своей страны.

В-третьих, именно теперь — впервые за долгое время — сложились наиболее благоприятные условия для доброжелательного и доверительного диалога. Ушли в прошлое времена, когда «господствующая» Православная Российская Церковь могла фактически рассматриваться как придаток государственной власти, как «ведомство православного исповедания», когда государство в своей заботе об интересах Церкви, как оно их со своей точки зрения понимало, действовало присущими государству методами принуждения, в том числе — преследуя старообрядцев и стесняя их религиозную свободу. Нет нужды говорить, что именно это обстоятельство являлось на протяжении столь долгого времени главным препятствием на пути реального взаимопонимания и сближения. Впрочем, стеснениям подвергалась и свобода «господствующей» Церкви. Лишь в революционные годы оказался возможным созыв Собора и восстановление канонического церковного строя, к чему давно уже призывали многие видные церковные деятели, включая первоприсутствующего члена Святейшего Синода митрополита Санкт-Петербургского Антония — не в последнюю очередь потому, что это представлялось необходимым условием для примирения со старообрядцами.

С другой стороны, у нас теперь позади и страшные годы государственного гонения против некогда государственной Церкви, а также подконтрольного безбожной власти существования. У нас со старообрядцами есть теперь общий, глубоко выстраданный опыт. И наша Церковь, оказавшись в условиях небывалой в российских условиях свободы, смогла вынести из этого опыта должные уроки и ясно сформулировать свое собственное видение подобающих взаимоотношений с государством. С особенной четкостью это удалось сделать в «Основах социальной концепции». О значении этого документа для нашего диалога с Русской Зарубежной Церковью уже было сказано. Уверен, что он открывает новую перспективу и для сближения со старообрядцами.

Итак: свобода от внешнего принуждения в делах церковных достигнута; канонический строй нашей Церкви восстановлен; клятвы на старые обряды и на придерживающихся их православных христиан Поместным Собором 1971 года торжественно упразднены и вменены яко не бывшие; отвергнуты все порицательные выражения, относящиеся к старым обрядам, и эти последние признаны равноспасительными и равночестными новым обрядам. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 года вновь подтвердил это деяние и в обращении «ко всем держащимся старых обрядов православноверующим христианам, не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом» именовал их «единокровными и единоверными братьями и сестрами».

В дополнение к тому Священный Синод Русской Православной Церкви 4 июня 1999 года принял определение, в котором вновь призвал епархиальных архиереев и духовенство учитывать в практической деятельности упомянутые общецерковные решения, а церковные издательства — «применять критический подход к переизданию литературы, напечатанной в дореволюционное время, когда под влиянием светской власти старообрядчество критиковалось некорректными и неприемлемыми методами». Особенно важно, что Священный Синод осудил «имевшие место в истории насильственные методы преодоления раскола, явившиеся результатом вмешательства светских властей в дела Церкви».

Что же еще нам предстоит сделать, чтобы достигнуть подлинного примирения со старообрядцами или, во всяком случае, как говорилось выше, пройти свою часть пути?

Прежде всего, нам необходимо на деле реализовать вышеуказанные мудрые решения. К сожалению, доньше это не достигнуто, из-за чего братья-старообрядцы порой упрекают нас в неискренней декларативности. Нам говорят, например: если оба обряда и, в особенности, оба способа совершения крестного знамения, давно уже признаны вами равночестными, почему же в учебниках закона Божия, которых в последнее время издано множество, мы не находим указания на возможность двух способов перстосложения — хотя бы мелким шрифтом, в примечании? Почему вами не издается богослужебная литература, печатавшаяся при первых пяти русских патриархах, сборники крюкового пения? Почему в ваших духовных школах можно получить лишь крайне скудные сведения об особенностях богослужения по старому обряду? Почему в беседах с вашим духовенством не редкость услышать предвзятое или некомпетентное мнение о причинах нашего разделения, почерпнутое без всякого критического подхода из полемической литературы столетней давности, а подчас приходится встречаться и с хулой на старые обряды? Почему, несмотря на упомянутое определение Священного Синода, по-прежнему переиздаются и предлагаются в приходских лавках книги и брошюры, в которых нетрудно встретить не только необъективный, но подчас и попросту оскорбительный взгляд на старообрядчество? И, надо признать, не особенно убедительно звучит ответ, что, в сущности, до сих пор отсутствует хорошо налаженный механизм контроля над выпускаемой и переиздаваемой на местах церковной литературой. Жалуются и на трудности, которые порой возникают при попытке наладить отношения с местными представителями духовенства Русской Православной Церкви, особенно если возникают имущественные проблемы.

Как подметил один старообрядческий деятель, возникает парадоксальная ситуация. Соборы принимают определения считать клятвы на старообрядцев и порицательные выражения о старых русских церковных обрядах «яко не бывшими», а на местах уровень информированности духовенства об этом настолько низок, что «яко не бывшими» становятся сами эти определения.

Действительно, в 1971 году Поместный Собор торжественно засвидетельствовал, что «спасительному значению обрядов не противоречит многообразие их внешнего выражения, которое всегда было присуще древней неразделенной Христианской Церкви и которое не являлось в ней камнем преткновения и источником разделения». Однако выполнили ли мы обязательства, которые взяли на себя 33 года назад? До сих пор в повседневной жизни Церкви мы почти не видим фактов, которые подтверждали бы возможность полноценного существования двух обрядов в лоне Русской Православной Церкви, что представляется важнейшим условием для восстановления

единства со старообрядцами в будущем. Да, у нас есть старообрядные приходы (так называемые единоверческие) — их сегодня в Московском Патриархате 12, а в 1917 году было около 600. Эти приходы могли бы быть более многочисленными. Но нередко люди, стремящиеся в единоверие, не находят у нас понимания. Немало грустных свидетельств такого непонимания приходилось нам выслушивать в последние годы как от представителей единоверцев, так и от желающих стать таковыми. При таком подходе, когда на старообрядцев-единоверцев, желающих единства с Московским Патриархатом, смотрят в лучшем случае снисходительно, а в худшем — враждебно, развитие старообрядных общин крайне сковано, а жизнеспособность их ограничена. И вот, из-за отсутствия реального движения навстречу появляются люди, которые стремятся «старые мехи» раскола наполнить «новым вином» и сделать старообрядчество агрессивным началом, направленным против Русской Православной Церкви. Как правило, эти «младостарообрядцы» не являются выходцами из исконно старообрядческой среды, а находятся в перманентном поиске чего-то радикального и оппозиционного.

Очевидно, что единоверческим общинам должна быть оказана необходимая помощь, которая позволила бы им стать реально действующими мостами между Русской Православной Церковью и старообрядческими согласиями. Следует проработать вопрос об уяснении канонического статуса таких общин с учетом опыта прошлого, в том числе — решений Поместного Собора 1917-1918 годов, хотя эти решения, конечно, не могут сегодня вводиться в жизнь механически, без учета современных реалий. Надо подумать о придании старообрядным общинам в Русской Православной Церкви организационно-объединительного начала, без чего современное единоверие остается идейно и структурно разобщенным. При наличии сохраняющих свою самобытность, но интегрированных в общую церковную жизнь приходов, обнаруживаются и опасные тенденции к внутренней обособленности, сепаратизму. А в некоторых единоверческих кругах сохраняется идеология и психология раскола, фактически происходит отчуждение от общецерковной жизни и даже собственного Священноначалия. Кстати сказать, это, как нам известно, неприятно удивило и тех из старообрядцев, кто стремится обрести подлинное единство с Русской Православной Церковью при сохранении прежних обычаев и традиций. Таким образом, жизнь подводит нас к рассмотрению вопроса о целесообразности сформировать специальный церковный орган. Он мог бы в сотрудничестве с архиереями, в епархиях которых присутствуют старообрядные приходы, координировать и поддерживать их деятельность, а при необходимости своевременно реагировать на появление возможных негативных тенденций, связанных с жизнью единоверческих общин.

Развитию диалога со старообрядцами могло бы способствовать и более вдумчивое осмысление тех причин, которыми была порождена трагедия раскола. В этом отношении уже сделано немало как русскими академическими историками XIX века, так и учеными XX столетия, в частности, представителями русской эмиграции. Но, как уже было сказано, распространенность соответствующих знаний недостаточна, сознание многих членов Церкви питается расхожими представлениями, которые характеризуются в лучшем случае крайней упрощенностью. Видимо, нужно сделать из этого правильные выводы как в системе профессионального духовного образования, так и в программах катехизации и религиозного образования членов Церкви. Убежден, что многое в наших взаимоотношениях с миром старообрядчества может измениться, если

мы постараемся совместно — например, посредством организации ряда конференций или семинаров — пересмотреть историю нашего разделения, стремясь к наивысшей научной честности, отказавшись от полемических задач и рассматривая проблему церковно-государственных отношений сквозь призму нормы, ныне сформулированной в Русской Православной Церкви.

Нам стоит изучить и опыт Русской Зарубежной Церкви, который все более становится нашим общим достоянием. Несмотря на достаточно напряженные в то время отношения с Московским Патриархатом, на Архиерейском Соборе Русской Зарубежной Церкви 1974 года было принято постановление о старом обряде и старообрядцах, весьма схожее с Деянием нашего Поместного Собора 1971 года. А в октябре 2000 года Архиерейский Собор РПЦЗ обратился к старообрядцам с посланием, в котором выражено глубокое сожаление «о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам старого обряда, о тех преследованиях со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Русской Церкви». Архиереи РПЦЗ провозгласили свое глубокое желание исцелить нанесенную Церкви рану и восстановить полное общение с теми, кто стремится сохранить старый обряд в лоне Русской Церкви. Следует знать, также, что в составе иерархии Русской Зарубежной Церкви есть и епископ, ответственный за ее старообрядные приходы. Все эти обстоятельства нам необходимо учитывать в контексте развивающегося сближения с Зарубежной Церковью.

Должен кратко доложить о деятельности Отдела внешних церковных связей, которая осуществлялась во исполнение данного 29 декабря 1998 года Священным Синодом Русской Православной Церкви поручения относительно тщательного изучения форм и перспектив дальнейшего сотрудничества Московского Патриархата и старообрядчества, а также подготовки соответствующих предложений. Созданная при ОВЦС определением Священного Синода от 19 июля 1999 года Комиссия по координации взаимоотношений Русской Православной Церкви со старообрядчеством подготовила и провела в ноябре 2000 года научную конференцию, посвященную 200-летнему юбилею существования старообрядных приходов в лоне Русской Православной Церкви. Проведению конференции предшествовало богослужение, совершенное по дониконовскому чину в Успенском соборе Московского Кремля. Проводилась работа на местах, способствовавшая урегулированию конфликтных ситуаций вокруг некоторых храмовых зданий. Однако жизнь показала, что комиссия, в рамках которой предполагалось объединить как представителей Русской Православной Церкви, так и представителей различных старообрядческих согласий, встречается с постоянными затруднениями в своей работе. И это затормозило развитие диалога. Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день диалог со старообрядчеством более успешно развивается отдельно с каждым согласием.

Позвольте из сказанного сформулировать следующие выводы.

1. Между Русской Православной Церковью и старообрядческими согласиями могут и должны быть установлены добрые и доверительные взаимоотношения. Лучшим путем для установления таких отношений является вовлечение представителей старообрядчества в осуществление национально-консолидирующих церковных и общественных проектов. Желание к тому у многих старообрядцев есть, как показали, в частности, контакты Отдела внешних церковных связей с Московской митрополией Русской Православной Старообрядческой Церкви, особенно успешно развивающиеся

после недавнего избрания ее Предстоятелем митрополита Андриана. Полезными будут совместные действия в области возрождения культурных и духовных традиций, общие проекты в области книгоиздания, проведение научных мероприятий, духовных концертов — все те шаги, которые действительно способствуют установлению добрых личных отношений, могущих затем перерасти в качественно новые отношения на межцерковном уровне. Следует озаботиться и тем, чтобы старообрядцы беспрепятственно могли при желании совершать паломничества к общим национальным святыням. Полагаю, что Собор мог бы подтвердить желательность более активного развития подобного практического взаимодействия.

2. Необходимо последовательно осуществлять в повседневной церковной жизни на всех ее уровнях ранее принятые решения Священноначалия, касающиеся старообрядцев, в особенности, Деяние Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года о признании равночестности и равной спасительности старого и нового обрядов.

3. Собор мог бы также одобрить проведение по инициативе или при участии Русской Православной Церкви, по возможности — с участием также представителей старообрядческих согласий, научно-исторических конференций и семинаров, направленных на совместное осмысление и более выверенную оценку причин и последствий раскола, происшедшего в XVII веке, а также последующей истории старообрядчества.

4. Необходимо озаботиться оказанием действенной помощи старообрядным приходам Русской Православной Церкви, направленной на координацию их деятельности и более успешное вовлечение в общецерковное служение при сохранении присущей старообрядным приходам самобытности. Эта помощь могла бы заключаться в содействии изданию богослужебной и иной литературы, подготовке специалистов в области старого обряда, традиционного пения и иконописи; обсуждению проблем, возникающих порой во взаимоотношениях с «новообрядным» окружением и своевременному преодолению возникающих негативных тенденций; обсуждению дальнейшего статуса старообрядных общин, наиболее приемлемого как с точки зрения их чаяний и интересов, так и в отношении блага всей Церкви.

5. Для текущей координации работы по осуществлению вышеизложенных предложений, а также для подготовки дальнейших предложений Священноначалию представлялось бы целесообразным учредить при Священном Синоде постоянно действующий орган, например — Комиссию по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством. Если же на данный момент создание Синодальной комиссии еще не видится достаточно подготовленным, Отдел внешних церковных связей мог бы в рамках соответствующего поручения Собора временно продолжать практическую деятельность на данном направлении, соответствующим образом преобразовав ранее учрежденную комиссию, а также озаботиться выработкой положения об общецерковном органе, который мог бы в будущем на постоянной основе осуществлять работу по поддержке наших старообрядных общин и по сближению с прочими православными христианами, придерживающимися старых обрядов.

Приложение 4

Митрополит Иларион: В отношениях со старообрядцами существует почва для диалога и сближения

Текст опубликован на официальном сайте Отдела внешних церковных связей. Адрес в интернете: <https://mospat.ru/ru/2012/02/24/news58975>

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ

21 февраля 2012 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия митрополит Волоколамский Иларион посетил Московскую духовную академию и семинарию. Владыка выступил перед учащимися и преподавателями с лекцией «Эпоха нового мученичества. Дискриминация христиан в разных регионах мира».

По окончании выступления архипастырь ответил на вопросы присутствовавших. В частности, председатель ОВЦС рассказал о современном состоянии диалога Русской Православной Церкви со старообрядчеством.

Архипастырь засвидетельствовал, что диалог со старообрядчеством является одним из очень важных направлений внешней деятельности Русской Православной Церкви. «Я не думаю, что от этого диалога нужно ожидать скорых видимых результатов, но мы должны планомерно обсуждать с нашими братьями-старообрядцами те разногласия, которые возникли в ходе истории», — считает митрополит Иларион.

«Если обратиться к событиям истории, то мы должны прямо признать, что появление старообрядчества было связано не только и не столько с какими-то фанатичными настроениями в среде русского Православия, сколько с неуклюжими действиями некоторых людей, которые пытались реформировать литургическую традицию Православной Церкви. И мы должны признать, что было сделано немало ошибок, было наломано немало дров. У российской государственной власти есть вина перед старообрядчеством, потому что в течение длительного периода старообрядцы подвергались гонениям, притеснениям и преследованиям».

Однако, уверен иерарх, новая эпоха по-новому расставляет акценты: «Сегодня история раскола, а также история преследования старообрядцев со стороны гражданской власти Российской империи — это уже достояние прошлого, а мы должны думать о настоящем и о будущем. Мы должны понимать, что между православными и старообрядцами, по крайней мере, старообрядцами поповского согласия, нет вероучительных расхождений. Есть расхождения, связанные с обрядом, с литургической традицией, но не те, которые относились бы к вероучению. А это означает, что существует почва для диалога и сближения».

24.02.2012

Служба коммуникации ОВЦС

Приложение 5

Слово чадам Русской Православной Церкви, сохраняющим в богослужении древние русские обряды, в связи с 200-летием канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата

Текст опубликован на официальном сайте Московского Патриархата. Адрес в интернете: <http://www.mospat.ru/archive/nr011274/>

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

АРХИВ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА 1997—2009

Боголюбивые архипастыри, пастыри и всечестные иноки, возлюбленные о Господе братья и сестры!

Благодать вам и мир от Господа нашего Иисуса Христа!

Сердечно приветствую всех вас, собравшихся ныне на юбилейную конференцию.

Отмечая 200-летний юбилей канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата, Русская Православная Церковь свидетельствует ныне о непреходящей действенности церковных устоев, согласно которым Церковь Христова «со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 1–3) издревле допускала разнообразие местных литургических особенностей и обрядов при условии единства в истинах веры.

Более трех веков минуло с тех пор, когда в России были предприняты усилия по установлению единообразия богослужебных чинов и обрядов с таковыми же, утвердившимися к тому времени в Греко-Восточных Православных Церквях. Эта реформа встретила серьезную оппозицию у значительной части духовенства и церковного народа православной Руси.

Создавшееся в Русской Православной Церкви положение было предметом озабоченности Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложивших клятвы на всех, не приемлющих изменения, произведенные Патриархом Никоном и его преемниками.

Постановления Московских Соборов 1656 и 1667 гг. не привели к умиротворению, но косвенно явились одной из причин последовавшего трагического раскола в Русской Церкви и отпадения от нее многих приверженцев старых обрядов. Бесплодная полемика по обрядовым вопросам, с применением обеими сторонами недопустимых «поносительных выражений», гонения светских властей на инакомыслящих, отчего пострадали многие ревнители старых обрядов, привели к росту недоверия и углублению противостояния.

Раскол, возникший в XVII веке и получивший название «старообрядческий», на протяжении трех столетий остается причиной глубокой скорби и озабоченности православного народа в нашем Отечестве. Помня завет Господа нашего Иисуса Христа

«да будут все едино» (Ин. 17,21), христианин не может, не имеет права мириться с состоянием разделения, воспринимая его как историческую данность, но всеми силами должен стремиться к уврачеванию этой болезненной кровотокающей раны на Теле Христовом, «дабы не было разделения в теле, а все его члены одинаково заботились друг о друге». (1 Кор. 12:25-26).

Святитель Иоанн Златоуст свидетельствует: «Ничто так не противно Богу, как разделения в Церкви. Даже если мы совершили тысячу благих дел, мы виновны, как те, кто мучил тело Господа нашего, если мы раздираем тело Церкви. Вот почему мы говорим вам это теперь, чтобы в последний день вы не могли сказать: никто не сказал мне об этом, никто не объяснил. Мы не знали об этом и не считали это грехом. Теперь я говорю и свидетельствую, что причинять разделение в Церкви есть не меньшее зло, чем впасть в ересь. Поскольку все вы совершеннолетние и отвечаете за свои дела, я прошу вас быть ответственными за свои поступки, не считая себя невинными и кладущими все у нашего порога, ибо так вы можете избежать столь вредного вам самообмана».

Ныне мы отмечаем 200 лет с того дня, как Святейший Синод Российской Православной Церкви, движимый стремлением к уврачеванию пагубного разделения, рассмотрел просьбу части приверженцев старых русских обрядов о принятии их в церковное общение с восстановлением законного священства, и принял решение о воссоединении с Церковью обратившихся из раскола, благословив им отправлять богослужение по старопечатным книгам, соблюдая старые русские обряды. Решение Святейшего Синода вступило в силу 27 октября 1800 года и с этого дня многие вернулись в дом отчий, стали возлюбленными чадами Матери-Церкви, наследниками ее благодатных даров.

Однако постановления и клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг., где в старых обрядах дониконовских времен усматривался чуть ли не еретический смысл, вызывали определенное смущение у православных русских людей. Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, стремившиеся к уврачеванию раскола, понимали, что клятвенные определения Соборов 1656 и 1667 гг. существенно препятствуют взаимопониманию и доверию, столь важных и необходимых в двустороннем диалоге. В результате длительной и кропотливой работы Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. наметил ряд важных начинаний, направленных на обретение чаемого единства Российской Церкви, но известные исторические события и наступившее затем скорбное время гонений на христианство в России не позволили воплотить в жизнь эти благие намерения.

Только в 1971 году Собор Русской Православной Церкви своим Деянием от 2 июня подтвердил православие богослужебных книг, бывших в употреблении до Патриарха Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные о них выражения и отменил клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг., «яко не бывшие», как на сами обряды, так и на придерживающихся их православноверующих христиан.

Перед лицом исторических фактов нельзя не признать, что преследования и ограничения в отношении старообрядцев, насильственные методы преодоления раскола, явились следствием непродуманной государственной политики России в прошлых столетиях, положившей труднопреодолимую разделенность в Русской Церкви, существующую до сего дня. Таким образом, не столько само по себе

исправление богослужбных книг и изменение обрядов, происшедшие при Патриархе Никоне, сколько жесткие и неоправданные методы приведения к повиновению, сыграли определяющую и самую трагическую роль в углублении раскола.

Оценивая события трехсотлетней давности, Мы не считем себя вправе судить об ответственности отдельных лиц, вовлеченных в репрессивные действия по отношению к части своей паствы, ибо все они давно предстали пред судом Божиим. Ныне же, следуя заповеди Спасителя «потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 15, 34), Мы простираем Нашу любовь ко всем последователям старых обрядов, как пребывающим в лоне Русской Православной Церкви, так и вне ее, призывая оставить прежние обиды и несправедливости, не возобновлять бесплодных обрядовых споров и, в особенности, не допускать взаимных порицаний, так как при единстве догматов веры и православного исповедания те и иные обряды священны и равноспасительны.

Чадам Русской Православной Церкви нужно помнить, что древние церковные обряды составляют часть нашего общего духовно-исторического наследия, которое следует хранить как сугубую драгоценность в литургической сокровищнице Церкви.

Преподавая Наше Патриаршее благословение всем священнослужителям, инокам и верующим в связи с 200-летием канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата, Мы сердечно желаем всеильной помощи Божией всем ревнителям древнего благочестия, и надеемся, что ваши труды станут весомым вкладом в общецерковное делание православной проповеди богооткровенных и спасительных истин христианства.

Воздав хвалу и благодарение Господу Богу, положившему во время оно в сердца избранных своих благое и спасительное помышление прийти в соединение веры и в разум истины, Мы возносим также свои молитвы ко Творцу и о сынах наших, «ушедших на страну далече» (Лк. 15, 13), — да приведет Он расстаяшая паки воедино, да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, да в любви друг ко другу исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

27.11.2000

Приложение 6

Митрополит Волоколамский Иларион посетил Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции

Текст опубликован на официальном сайте Московского Патриархата. Адрес в интернете: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1134152.html>

9 апреля 2010 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, председатель Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством митрополит Волоколамский Иларион посетил Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции, учрежденный указом Святейшего Патриарха от 3 июля 2009 года при Покровском храме в Рубцове города Москвы и зарегистрированный органами государственной власти Российской Федерации.

В храме митрополита Илариона встречали настоятель Покровского храма в Рубцове, благочинный Богоявленского округа Москвы архимандрит Дионисий (Шишигин) и клирик храма, руководитель Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции священник Иоанн Миролюбов. При встрече присутствовали члены приходского собрания храма. Хор исполнил пасхальные песнопения древним знаменным распевом.

Осмотрев алтарь, освященный в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а также помещения храма, владыка Иларион совершил освящение новых церковных сосудов. Купель для крещения младенцев, большая и малая водосвятные чаши, литийный прибор и другая церковная утварь специально изготовлены для богослужений по старому чину на художественно-производственном предприятии Русской Православной Церкви «Софрино» в соответствии с постановлением Священного Синода (Журнал № 143 от 27 декабря 2007 года) о налаживании производства церковной утвари в древнерусском стиле.

Высокого гостя тепло приветствовал архимандрит Дионисий. Он преподнес председателю ОВЦС в память о посещении храма художественно изготовленную панагию, подчеркнув, что благодаря особому попечению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла старообрядный приход состоялся, обрел своих прихожан. С приветствием к архипастырю обратился также иерей Иоанн Миролюбов, вручивший митрополиту Илариону пасхальное яйцо и старообрядческую лестовку.

Обращаясь к собравшимся, владыка Иларион сказал:

«Прежде всего, я хотел бы передать всем вам благословение и приветствие от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Святейший Патриарх с большой теплотой и вниманием относится к этому храму и к развитию здесь Патриаршего центра, задачей которого является освоение старообрядного литургического наследия и привлечение к Церкви тех людей, которые желают молиться по старым обрядам.»

Старообрядческий раскол, которому уже более 300 лет, является трагедией Русской Церкви. Произошел он вследствие ошибок как тех людей, которые в свое время инициировали проведение недостаточно продуманной книжной sprawy, так и тех, кто воспринял эту справу в качестве нарушения церковного Предания. Мы сейчас должны задумываться не столько о том, кто был прав, и кто был виноват во всей этой трагической истории, сколько о том, как исцелить те раны, которые были нанесены в течение более трех веков существования в нашей Церкви раскола. А раскол — это всегда рана на теле Церкви, и до тех пор, пока он не уврачеван, эта рана остается незаживающей и кровоточащей.

Предпринимались неоднократно попытки исцелить раскол. Одной из таких попыток было создание единоверческих приходов. Были предприняты шаги навстречу нашим братьям и сестрам старообрядцам — отменены клятвы на старые обряды. Это произошло уже в XX веке при Святейшем Патриархе Пимене и по инициативе приснопамятного митрополита Никодима. И сегодня верующие Русской Православной Церкви имеют возможность молиться как по новым обрядам, так и по старым русским обрядам. Создание и поддержка таких церковных учреждений, как Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции, является важной задачей нашей Церкви.

Старый обряд в определенном смысле является эталоном для церковной жизни, для литургического творчества. Когда мы участвуем в богослужении, совершаемом по старому обряду, мы не только узнаем, как молились наши предки, но мы еще и узнаем нечто важное о том, как нужно молиться и что такое церковное литургическое творчество в рамках церковных канонов.

Сегодня в абсолютном большинстве наших храмов исполняются музыкальные произведения, написанные преимущественно не по церковным канонам, а по светским музыкальным законам светскими композиторами, которые перенесли в нашу церковную музыку чуждый ей западный светский дух, которые создавали хоровые концерты по образцу инструментальных концертов и писали церковные музыкальные произведения по образцу оперных арий. Конечно, в XIX веке и в начале XX века произошла некая адаптация этой чуждой нам западной музыки к русскому литургическому творчеству, были гармонизованы древние напевы, и нынешнее наше церковное пение уже нельзя называть в полном смысле слова западным. Но нельзя его назвать и традиционно русским, потому что все-таки русские напевы были положены на западную гармоническую основу. И в таком именно виде они существуют в наших храмах, где богослужение совершается по новому обряду.

То же самое можно сказать и об иконописи. Сегодня в наших храмах наряду с иконами, написанными по древним канонам и древним традициям, существует и светская по стилю живопись. И мы знаем, что в XVIII веке и в XIX веке так называемый академический стиль был господствующим в нашей церковной живописи. Во многих храмах сегодня вместо традиционных икон мы видим изображения Спасителя и святых, написанные по западным образцам, в светском и страстном духе, далекие от традиционных канонических образцов. А иной раз видим изображения, которые являются неканоничными и недопустимыми с точки зрения православной традиции.

Много можно заниматься самокритикой, но полезней всего обращаться к нашим духовным истокам, обращаться к той традиции, которая сохраняется в нашей Церкви и которая также сохраняется у старообрядцев. И в этой традиции черпать знания о том,

каким должно быть каноническое церковное искусство, каким быть должен церковный обряд. Сегодня мы имеем такую возможность. Мы имеем возможность здесь, в этом храме слышать знаменное пение, видеть иконы, написанные по традиционным древнерусским образцам и участвовать в богослужении, в котором сохраняются многие особенности древнерусской церковной службы. Это важное и большое дело, направленное на сближение с нашими братьями и сестрами, находящимися до сих пор в отделенном состоянии от Святой Церкви.

Мы никого не должны осуждать, но мы и никого не должны пытаться насильственно к себе привлечь. Однако если есть возможность совершать богослужение по старому обряду, то это важно и нужно, это своевременно, более того — это современно, потому что старый обряд не устаревает. Это показывает тот интерес к старому обряду и к каноническому церковному искусству, который не умирает в нашем обществе. Не случайно так много сегодня хоров, которые исполняют песнопения знаменного распева. Не случайно господствующим стилем в нашей иконописи сегодня является все-таки именно древнерусский, а не академический стиль. Старый обряд продолжает оставаться значимым свидетельством о традиционных корнях церковного искусства и нашего богослужения.

Я всех вас сердечно поздравляю с праздником Святой Пасхи, всем вам желаю, чтобы радость Пасхальных дней сохранялась в ваших душах и ваших сердцах. Пусть Господь хранит вас на многая лета, а Пресвятая Богородица покрывает вас от всякого зла честным своим омофором».

На память о посещении Покровского храма владыка передал для библиотеки Патриаршего центра свою книгу «Православие», в которой, в частности, говорится и о старых обрядах. Митрополит Иларион осмотрел офисные помещения формирующегося центра, ознакомился с начатками будущей библиотеки и архива.

В заключение визита председатель ОВЦС посетил расположенный по соседству храм святого благоверного князя Александра Невского при бывшей Покровской богадельне и недавно открывшийся церковный магазин Издательства Московской Патриархии.

10 апреля 2010 г.

Служба коммуникации ОВЦС

Приложение 7

Всем священникам и диаконам Симферопольской и Крымской епархии архиепископа Луки увещание о правильном и достойном совершении величайшего и святейшего Таинства крещения

Печатается по книге: Марущак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Даниловский благовестник, 2007)

К глубокому огорчению моему, узнаю, что донныне, несмотря на повторные указания мои, Таинство крещения совершается некоторыми священниками через обливание, а многими другими, по лености и нерадению, допускаются совершенно нетерпимые сокращения чина крещения, изложенного в требнике.

50-е правило святых апостолов грозит лишением сана епископу или пресвитеру за крещение не троекратным погружением.

Из истории Церкви знаем, что уже в апостольское время крещение совершалось троекратным погружением во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В Деяниях апостольских читаем, что для крещения вельможи эфиопской царицы апостол Филипп сошел вместе с ним в воду, что, конечно, было нужно для погружения крещаемого в воду.

О крещении троекратным погружением в воду как совершенно обязательной форме крещения много писали святые отцы Церкви: Кирилл Иерусалимский, Василий Великий, Иоанн Златоустый, Симеон Новый Богослов, Дионисий.

Крещение обливанием Православная Восточная Церковь допускала лишь в самых исключительных случаях, как, например, в тяжелой болезни крещаемого, погружение которого невозможно, или над мучениками, заключенными в темницу, где можно было иметь лишь очень немного воды.

В западных и юго-западных областях России насильственно введенная уния с Католической церковью привела к тому, что там укоренилось крещение обливанием; а во всех остальных областях России все священники правильно крестят погружением. Западное крещение обливанием, к сожалению, проникло и в Крымскую область, и я должен в последний раз заявить, что считаю долгом, завещанным мне от Бога, искоренить в моей епархии крещение обливанием.

По верной пословице «лиха беда начало» некоторые не имеющие страха Божия священники, привыкнув крестить обливанием, доходят до того, что даже обливание заменяют поливанием водою или даже окроплением только головы стоящего в одежде крещаемого. Так нечестиво «крещенных», конечно, надо перекрещивать, ибо Таинство над ними не совершено.

Леность и отсутствие страха Божия многие и многие священники проявляют и в том, что опускают всю крайне важную часть чина крещения, относящуюся к освящению воды, и, не освящая ее, не творя троекратного знамения креста в воде, не освящая елея и не помазуя им воды, заменяют все эти священнодействия подливанием в купель небольшого количества воды от водосвятного молебна. Поступающие так сами

свидетельствуют об отсутствии у них не только трепетного, но и всякого уважения к величайшему Таинству крещения.

Повинны в этом, хотя и в меньшей мере, и те священники, которые во избежание труда освящения воды оставляют на многие дни крещальную воду до следующего крещения.

Только в крайних случаях нездоровья или немощи священника допустимо хранить крещальную воду не более одного-двух дней.

При нынешнем падении религиозности и распространении безбожия случается иногда, что некоторые восприемники приходят нетрезвыми и требуют совершить крещение как можно скорее, или хотя и трезвы, но не знают ни одной молитвы и даже не умеют осенить себя крестным знаменем. Таких нечестивцев, конечно, нельзя допускать к участию в Таинстве.

Весьма достоин подражания пример священников, у которых на стене храма написан Символ веры и важнейшие молитвы.

Весьма согрешают священники, совершающие Таинство крещения в одной епитрахили, а не в полном и притом белом облачении или хотя бы без поручей. Поручи можно иметь простые белые, легко высыхающие после смачивания в купели.

Я писал уже раньше, как надо поступать с водой после крещения и о всякой освященной водой. Теперь повторяю, что у всякого храма или вообще в ограде должен быть выкопан сухой колодец не менее двух метров глубиной, прикрытый крышкой. Слитая в него крещальная вода будет медленно всасываться в землю. Деревянные кадки и бочки для крещения подростков и взрослых должны содержаться в полной чистоте и ни для каких других надобностей не употребляться. По этой причине крещение в домах может быть допускаемо только в самых крайних случаях, ибо там священник принужден крестить в каком попало сосуде, которые и впредь будут употребляться для нечистых надобностей, и вода будет вылита куда попало.

Еще два слова о помазании елеем междорамия. Это малопонятное слово толкуется различно. Я считаю правильным под словом «междорамие» понимать пространство на спине между лопатками.

На священников, которые будут строго исполнять все данные мной указания, призываю благословение Божие и благодать Святого Духа.

Женщина, никогда не получавшая молитвы в 40-й день после родов, привела четверых детей до десятилетнего возраста для прочтения над нею молитвы, положенной в 40-й день, и воцерковления детей и была очень раздражена отказом священника исполнить ее желание. Подобное бывало и раньше. Духовенство просит моих указаний, как поступать в таких случаях.

Разумеется, не следует читать молитвы для родильницы в 40-й день, но отказывать в воцерковлении детей нет основания. Над ними должны быть прочитаны положенные молитвы и совершено воцерковление установленным порядком, с той только разницей, что введенный в алтарь мальчик сам творит земные поклоны пред престолом, а девочка на амвоне перед Царскими вратами.

12 января 1955 г.